

Роман Александра Исаевича Солженицына «В круге первом» [1], первый вариант которого был закончен в 1958 году, а окончательный спустя 10 лет, в 1968 году, является одним из наиболее ярких произведений писателя. В противоположность таким историческим исследованиям, как «Архипелаг ГУЛАГ», «Красное колесо», «Двести лет вместе», это чисто художественное произведение, а в отличие от «Ракового корпуса» – полноценный роман. («Раковый корпус» сам автор относил к жанру повести.) Тем не менее, когда заходит речь об этом произведении, то именно художественная сторона его отходит на второй план, уступая место социально-исторической значимости книги. Такая тенденция прослеживается даже в, казалось бы, чисто литературоведческом анализе. Например, талантливый критик М.М. Голубков, с одной стороны, дает высокую оценку Солженицыну как писателю. По его словам, Солженицын «еще не понят и не осмыслен читательским большинством, его опыт не продолжен в текущей литературе» и что это писатель, «чье воздействие на литературный процесс наступившего века только лишь начинается» [2]. Но в то же время он выставляет Солженицына не как *обычного* писателя, а как «летописца современных ему событий», который «в той же степени писатель, как и историк..., и социолог». А в статье «Художник Солженицын» [3], посвященной, главным образом, роману «В круге первом», и в которой дан тщательный научный анализ структурного построения произведения, всё равно основной акцент сделан на его исторической значимости. («Литература — путь к постижения Божественного замысла о мире. Именно в таком ракурсе осмысляет Солженицын и русскую историю XX столетия, предопределившую и частные судьбы людей, и общую русскую судьбу».)

Сложившийся крен, к сожалению, характерен для оценки всего творчества писателя. По всей видимости, причины такого положения вещей кроются в обстоятельствах первого прочтения Солженицына большинством взрослых людей. Ведь когда читались его произведения? Сперва в «самиздате» в годы глубокого «застоя», когда антисоветская составляющая книги полностью затмевала ее художественную сторону. (Это приблизительно, как одностороннее прочтение французского романа юной девушкой, когда воспринимается только тема любви, а все остальное пропускается за ненужностью.) Второй раз Солженицын массово читался в перестроечное время. Но можно ли было его тогда внимательно прочесть? Ведь какой вал информации обрушился в то время на наши голодные головы. Одни только журналы «Огонёк», «Юность», газета «Аргументы и факты» сколько поставляли интеллектуальной пищи. Было много другой печатной периодики, было ТВ с «Взглядом» и «До и после полуночи». А еще люди ходили на политические митинги, которые, невзирая на утопичность многих лозунгов, по информационной содержательности были не чета нынешним.

В результате роман «В круге первом», как и многие другие произведения Солженицына, в каком-то смысле остался недочитанным. О его сильной художественной стороне, которая позволяет ставить роман в один ряд с лучшими произведениями русской

классики, а писателя полагать полноправным продолжателем традиций великой русской литературы, автор настоящей статьи ранее высказывал свое мнение в публикации «Знаменитый забытый художник А.И. Солженицын» [4]. В данной же работе акцент сделан на одной из сторон романа – над художественным портретом Иосифа Сталина. Сталин в романе – полноценный художественный образ, и это одно из несомненных достоинств романа, поскольку как в кино, так и в литературе, Сталин – это почти всегда декорация, необходимая для изображения реальных или выдуманных событий. (Чаще, конечно, выдуманных.) Во всяком случае, это справедливо при описании военного и послевоенного периодов. Кроме того, представляет интерес двойственность образа, несоответствие явно критического и, даже можно сказать, личностно предвзятого отношения автора к герою, и неоднозначной картиной, которая в результате вышла из-под его пера.

Основные сюжетные линии романа, как известно, связаны с поступком дипломата Иннокентия Володина, безуспешно пытавшегося предотвратить военно-промышленный шпионаж, а также с событиями в Марфинской «шарашке» – спецтюрьме, занимающейся научной и конструкторской работой. Сталин – не главный персонаж романа. Его заочное присутствие напрямую связано с описываемыми событиями, и выводит его как отдельный художественный образ, строго говоря, не было вызвано сюжетной необходимостью. Но включение Сталина в список персонажей романа, его «оживление» обогатило произведение и достойно отдельного внимания.

Перед более подробным разговором о солженицынском Сталине следует оговорить следующее. Очень часто историческим личностям приписывают «противоречивость». Но не всегда это верно. Воистину противоречивая фигура – это когда ее по-разному оценивают не, условно говоря, красные и белые, а представители одного лагеря. Тот же Ленин с этой позиции мало противоречив. Его однозначно возносят приверженцы коммунистической идеи и полагают исчадием ада русские патриоты. А вот к Сталину представители как одних, так и других в ряде случаев относятся диаметрально противоположно, и потому Сталина, действительно, можно считать фигурой противоречивой. Например, публицист и аналитик Виктор Аксюциц – пример крайне отрицательного отношения к Сталину. Касательно роли последнего во Второй мировой войне он пишет: «Сталин лично инициировал дезорганизацию управления страной и армией перед нападением Германии» [5]. Противоположных взглядов придерживается экономист-державник Михаил Делягин: «Та система (система – в хорошем смысле слова – О.П.), в которой мы живем, ее сделал Сталин» [6]. Аксюциц и Делягин, конечно, полными единомышленниками не являются, но чувство искреннего патриотизма присуще им обоим. А вот философ Александр Зиновьев со временем поменял свою позицию: из антисталиниста превратился в сталиниста, но (что крайне важно!) в рамках прежних своих взглядов. Примеры подобной метаморфозы отношения к личности Ленина или Троцкого при сохранении общего мировоззрения автору не известны. (Разумеется, не берется в расчет смена гнева на милость или наоборот, вызванная не переосмыслением глубинных позиций, а лишь ознакомлением с ранее не известной информацией, противоречащей уже сложившемуся отношению к исторической личности.)

У Солженицына Сталин – конечно же, герой отрицательный. Особо злой иронии подверглось идолопоклонство его персоне, т.е. то, что, действительно, сходно с языческим культом. Незримо появляется он уже на первой странице романа: «Одному-единственному человеку за дюжиной крепостных стен не спится по ночам, и он приучил всю чиновную Москву бодрствовать с ним до трёх и до четырёх часов ночи». Прочие упомина-

ния в том же духе. Например, характеризуя начальника «шарашки» полковника Яконова, автор пишет: «Инженер-полковник Яконов находился уже на той высоте положения и ещё не в той близости к Вождю Народов, при которых мог разрешить себе роскошь не скрывать ума и не воздерживаться от своеобразных суждений». Т.е., по мнению Солженицына, Сталин не любил наблюдать ум у своих подчиненных. И совсем Солженицын не пощадил имидж «Вождя Народов» в описании сцены, когда тому пришла на ум идея создания особой телефонии (что и послужило основой для одной из центральных сюжетных линий романа):

«Августейшим пальцем с жёлтым пятном никотина у ногтя генералиссимус выбрал на карте объект Марфино, до того занимавшийся созданием портативных милицейских радиопередатчиков. Исторические слова при этом были сказаны такие:

– Зачем мне эти передатчики? Квартирных варов ловить?

И сроку дал – до первого января сорок девятого года. Потом подумал и добавил:

– Ладно, да первого мая».

Разумеется, Великому гению не до квартирных воров.

Такого рода авторские «подколки» присутствуют на протяжении всего романа. Целиком же Сталину посвящены пять глав: «Юбиляр», «Этюд о великой жизни» (одно название главы чего стоит!), «Верните нам смертную казнь!», «Император Земли» (тоже название говорящее) и «Язык – орудие производства!». В «Юбиляре» Солженицын усиливает работу по деобожествлению Сталина. И также ироническими средствами: «Имя этого человека склоняли газеты земного шара, бормотали тысячи дикторов на сотнях языков, выкрикивали докладчики в началах и окончаниях речей, выпевали тонкие пионерские голоса, провозглашали во здравие архиереи».

И следующий абзац написан в той же манере. Но вот еще через абзац мы читаем совсем другое: «А он был просто маленький желтоглазый старик с рыжеватыми (их изображали смоляными), уже редующими (изображали густыми) волосами; с рытвинками оспы кое-где по серому лицу, с усохшей кожей сумочкой на шее (их не рисовали вовсе); с тёмными неровными зубами, частью уклонёнными назад, в рот, пропахший листовым табаком; с жирными влажными пальцами, оставляющими следы на бумагах и книгах».

В «Юбиляре», как и последующих «сталинских» главах, Солженицын применил оригинальный литературный прием. Он в ряде случаев пускает на свое авторское место своего персонажа. Притом передача трибуны происходит без всякого предупреждения читателю. Например, описание того, как Сталин с радостью перелистывал изданную 5-миллионным тиражом свою «Краткую биографию», начинается с обычного авторского текста: «Сейчас он перелистывал книжечку в коричневом твёрдом переплёте. Он с удовольствием смотрел на фотографии и местами читал текст, уже почти знакомый наизусть, и опять перелистывал».

А дальше характер изложения меняется: «Незамысловатые честные слова этой книги ложились на человеческое сердце покойно и неотвратно. Стратегический гений. Его мудрая прозорливость. Его мощная воля. Его железная воля. С 1918 года стал фактическим заместителем Ленина. (Да, да, так и было.) Полководец революции застал на фронте толчею, растерянность. Сталинские указания лежали в основе оперативного плана Фрунзе. (Верно. Верно.) Это наше счастье, что в трудные годы Отечественной войны нас вёл мудрый и испытанный Вождь – Великий Сталин. (Да, народу повезло.) Все знают сокрушительную силу сталинской логики, кристальную ясность его ума. (Без ложной скром-

ности – всё это правда.) Его любовь к народу. Его чуткость к людям. Его нетерпимость к парадной шумихе. Его удивительную скромность. (Скромность – это очень верно.)».

Далее: «Никто, как сам Сталин, не знал, до чего эта книга нужна его народу. Этот народ нельзя оставить без постоянных правильных разъяснений. Этот народ нельзя держать в неуверенности. Революция оставила его сиротой и безбожником, а это опасно».

Что это?! По строгим правилам грамматики, вероятно, этот текст следовало бы взять в кавычки и оформить как прямую речь после, например, слов «Сталин подумал следующее:». Но этого нет! Чисто формально это авторский текст. Который, конечно же, совсем не авторский. Это не просто ирония, это насмешка Солженицына над своим неуважаемым героем.

В «Юбиляре», пользуясь случаем, Солженицын очередной раз затрагивает тему, которую полагает важной и которой придает почти философский смысл. (И которая звучит в романе неоднократно, не только в связи со Сталиным.) Это тема пагубности пресыщения. Сталин, естественно, подходящий пример для иллюстрации этой идеи. В главе «несчастный» юбиляр описан страдающим от переедания: «Не тошнило, но как-то тяжело поднималось из желудка. Из вазочки с очищенными фруктами он взял фейхоа». В выборе лакомства тоже нескрываема сатира. В СССР (за исключением, возможно, кавказских республик) не то что при Сталине, но и до самого его распада о существовании такого фрукта знали только коллеги Иннокентия Володина по дипломатическому корпусу да университетские ботаники. Последние – исключительно из ученых книг.

Следующая «сталинская» глава – «Этюд о великой жизни» – это художественная зарисовка того, как Сталин стал Сталиным. Солженицын дал свое видение этой немислимой, но в реальности произошедшей эволюции: «Две трети столетия – сизая даль, из начала которой самым смелым мечтам не мог бы представиться конец, из конца – трудно оживить и поверить в начало. Безнадёжно народилась эта жизнь. Незаконный сын, приписанный захудалому пьянице-сапожнику. Необразованная мать. Замарашка Сосо не вылезал из луж подле горки царицы Тамары. Не то чтобы стать властелином мира, но как этому ребёнку выйти из самого низменного, самого униженного положения?» (Царское название горки тоже символично.) В этой главе Сталин – образ, наделенный внутренним миром. Читатель видит его изнутри, наблюдает его сомнения, терзания, смятения. Описывается, как Сталин в своем кабинете с любовью рассматривал свой старый фотоснимок: «Как всё трудно, как всё против этого славного юноши, ютящегося в бесплатном холодном чулане при обсерватории и уже исключённого из семинарии!» (Хоть к самому себе была жалость в этом человеке. Стало быть, не совсем он безжалостный.) Что в те далекие годы следовало делать? Как не ошибиться? Где искать себя? «Одиннадцать лет он кланялся и молился – впустую, плакало потерянное время... Тем решительней передвинул он свою молодость – на Революцию!»

Но не гладко складывалось и там. Революционеры вызывали у него отвращение. Молодой Иосиф видел в них пустых болтунов и ненавидел пуще губернаторов и полицейских. («На тех за что сердиться? – те честно служат за жалованье и, естественно, должны обороняться, но этим выскочкам не может быть оправдания!») И тут нашло очередное сомнение: «И чёрт ему вообще в этой революции, в какой-то гольтибе, в рабочих, пропивающих получку, в каких-то больных старухах, чьих-то недоплаченных копейках? – почему он должен любить их, а не себя, молодого, умного, красивого и – обойденного?».

На беду его еще и арестовали. Поначалу это, правда, его не испугало. Обычной практикой в те времена являлось пару месяцев побездельничать на казенных харчах, зато

затем – Страдалец. Но не тут то вышло: «В него вцепились. Сменились все его однокамерники, а он сидел. Да что он такого сделал? За пустячные демонстрации никого так не наказывали». И на второй год отсидки явился дьявол-искуситель в лице жандармского офицера с пшеничными усиками. И давай соблазнять запутавшегося юношу: «Зачем вы пошли в эту свору? Вы – случайный человек среди них. Скажите, что вы сожалеете». Прав, прав был искуситель с пшеничными усиками: «Он (Иосиф – О.П.) и правда сожалел, как сожалел! Кончалась его вторая весна в тюрьме, тянулось второе тюремное лето. Ах, зачем он бросил скромную духовную службу? Как он поторопился». Кроме того: «Уже сам себя изучил и узнал Иосиф – свой неторопливый характер, свой основательный характер, свою любовь к прочности и порядку. Так именно на основательности, на неторопливости, на прочности и порядке стояла Российская империя, и зачем же была её расшатывать?» И очередную ставку в жизни он сделал на секретную полицию.

Насколько образ Сталина в романе соответствует реальному прототипу, сказать сложно. Поговорка «чужая душа – потемки» Сталину подходит как никому другому. Ведь не то что в душу, даже на морской пляж абхазской дачи никто не допускался, когда тот принимал водные процедуры. Единственное исключение – Киров, которому дозволено было видеть Вождя в одних трусах. Но в душу не допускался и Киров. И что там на самом деле происходило, можно только гадать.

Образ, написанный Солженицыным, – лишь версия, но не противоречащая известным историческим фактам. Потому вполне допустимо приписывание юному Кобе сотрудничество с царской охранкой. Было ли такое сотрудничество на самом деле? Говоря откровенно, доказательств тому нет. И даже более-менее серьезных аргументов встречать не приходилось, что при обилии рассекреченной информации само уже является косвенным аргументом в пользу противоположной позиции. Выступай Солженицын как *документалист*, ему от данной гипотезы пришлось бы отказаться. Принцип презумпции невиновности должен распространяться и на тиранов. Но *художник* Солженицын имел полное право сделать своего героя «сексотом». Служба на охранку в среде революционеров была делом обычным. Азеф – классический пример. Трусом Сталин не был, но себя оберегал, на рожон не лез. В Гражданскую был штабным работником, шашкой не махал, подобно Буденному. Когда был главой государства, то меры по охране его драгоценного тела имели 1000-кратный запас прочности. Уместно вспомнить и его опасения летать самолетом. Участие до революции в вооруженных налетах на банки с целью «экспроприации награбленного у народа» (так называемых «эксах»)? Но *вершители справедливости* в такого рода мероприятиях всегда имели несомненный перевес сил перед объектом нападения, а преследования по закону, будь сотрудничество с властями на самом деле, можно было не опасаться. Так что предположение Солженицына совершенно не противоречит здравому смыслу, и в художественном произведении могло быть высказано.

Но более ключевым моментом в описываемой эволюции были не несколько раз происходящие колебания, к чему примкнуть: к Богу, к революции или к Охранному отделению? Главным поворотом в его жизни была первая проба вести за собой людей. Это случилось во время батумской демонстрации. «Люди шли за ним! – отпробовал Коба, и вкуса этого уже не мог никогда забыть. Вот это одно ему подходило в жизни, вот эту одну жизнь он мог понять: ты скажешь – а люди чтобы делали, ты укажешь – а люди чтобы шли. Лучше этого, выше этого – ничего нет. Это – выше богатства».

Как и в предыдущей главе, Солженицын использовал ироничный прием – писать как бы не от себя. Только в этой главе авторское место он уступает не объекту описываемой эволюции, а воображаемому честному советскому хроникеру, которому Партия и Правительство доверили описать жизнь Великого человека. В такой манере Солженицыным описаны все ухищрения Сталина (одновременно и тонкие, и груботопорные) на пути к тому, что «выше богатства»: «Простодушный, симпатичный грузин, этим и трогал он всех ведущих, что не лез на трибуну, не рвался к популярности, к публичности, как они все, не хвастался знанием Маркса, не цитировал звонко, а скромно работал, аппарат подбирал – уединённый товарищ, очень твёрдый, очень честный, самоотверженный, старательный, немножко, правда, невоспитанный, грубоватый, немножко недалёкий».

Прикинуться простачком, действительно, у Сталина выходило виртуозно. Это помогло ему решить одну из наисложнейших задач в борьбе за власть – отстранение Ленина. Приемом для этого Сталин выбрал «заботу» о драгоценном здоровье Ильича. А что «забота» была драконовской, то что поделаться? Сталин же не из сентиментальных интеллигентов, а простой честный грузин. Соответственно и методы: «Твёрдость в лечении, твёрдость в режиме, твёрдость в отстранении от дел – в интересах его же драгоценной жизни. И в отстранении от Троцкого. И Крупскую тоже обуздать, она рядовой партийный товарищ. “Ответственным за здоровье товарища Ленина” назначался Сталин и не считал это для себя чёрной работой: заняться непосредственно лечащими врачами и даже медсёстрами, указывать им, какой именно режим полезней всего для Ленина». А далее уже совсем цинично: «... ему (Ленину – О.П.) полезней всего – запрещать и запрещать, даже если поволнуется. То же и в политических вопросах. Не нравится ему законопроект насчёт Красной Армии – провести, не нравится насчёт ВЦИКа – провести, и не уступать ни за что, ведь он больной, он не может знать, как лучше. Если что настаивает проводить скорей – наоборот, медленней проводить, отложить. И может быть, даже грубо, очень грубо ему ответить – так это у генсека от прямоты, свой характер не переломаешь».

Без каких-либо угрызений совести Сталин расправился и с прочими конкурентами. В частности, с очень влиятельными Каменевым и Зиновьевым. «Хроникер» продолжает: «Но скоро большой удар пришёлся по их дружбе: Обнаружилось, что Зиновьев-Каменев – лицемеры, двурушники, что они только к власти стремятся, а ленинскими идеями не дорожат. Пришлось их поджечь. Они стали “новая оппозиция” (и болтушка Крупская полезла туда же), а Троцкий битый-битый пока присмирел». На том этапе одним из ближайших сподвижников Сталина был «милый Бухарчик»: «Бухарчик и выступал, Бухарчик базу подводил и обоснования (те дают – “наступление на кулака!”, а мы с Бухариным даём – “смычка города с деревней!”)». (Для читателей, окончивших общеобразовательную школу в постсоветский период, следует пояснить смысл написания «Зиновьев-Каменев». Дело в том, что во всех советских учебниках истории их обоих вспоминали всегда парой, и упоминались они только в связи с одним единственным историческим эпизодом – коварным разглашением тайны подготовки вооруженного восстания. И более ни об одном, ни о другом ни слова. Солженицын этот штамп советской историографии и отразил, шутивно слив две фамилии в одну.)

А вскоре перед Сталиным, по словам «хроникера», стали новые проблемы: «Но какая роковая неожиданность: Бухарин, Томский и Рыков оказались тоже лицемеры, они не были за единство партии! И Бухарин оказался – первый путаник, а не теоретик. И его хитрый лозунг “смычка города с деревней” скрывал в себе реставраторский смысл,

сдачу перед кулаком и срыв индустриализации!» Да, только посочувствовать надо несчастному генсеку в связи с таким лицемерным его окружением.

Продолжая деиконизацию Сталина, Солженицын не без ехидства описывает его появления на публике на большом банкете в Колонном зале. Сталину, жившему почти отшельником, было не очень уютно «видеть по сторонам восхищённых, почтительных, но всё же *слишком многочисленных* гостей (курсив – О.П.)». И далее: «Тогда Сталин чувствовал себя худо и не знал даже, как лучше использовать руки свои, давно не годные к настоящей обороне. Он складывал их на животе и улыбался. Гости думали, что Всесильный улыбается в милость к ним, а он улыбался от растерянности». Солженицын, действительно, мастерски описал известную киносьемку Сталина в Колонном зале.

Однако, несмотря на едкую ироничность «сталинских» глав, их можно вполне серьезно рассматривать и как описание места Сталина в истории. Солженицын в этих главах художественными (не публицистическими!) средствами излагает своё видение революции, что представляет большой интерес для осмысления эпохальной катастрофичности этого события. Роман написан во времена Хрущёвской оттепели, лейтмотивом которой были осуждение «культа личности» и... возвращение к ленинским нормам. Великая Октябрьская Революция прославлялась на все лады. Господствующим мнением тогда (и вплоть до 90-х годов) было следующее: Ленин и его соратники были бесстрашными рыцарями революции, цель жизни которых – служение делу социальной справедливости. А злодей Сталин сломал все благородные их задумки и создал свой «культ личности». Ленина в советском искусстве всегда рисовали подчеркнуто интеллигентным, выносились на показ его образованность, знание иностранных языков. Акцентировали внимание на его цивильный костюм (который, в отличие от полувоенных френчей Сталина и Троцкого, свидетельствует, мол, о демократичности) и даже на отсутствие вредной привычки табакокурения. (А пикантные подробности взаимоотношений с Инессой Арманд и медицинский диагноз «сифилис», разумеется, были тайной для советского человека.)

Солженицын же открыл глаза людей на крайне отрицательную суть этой личности. А также всей его гвардии, которую солженицынский Сталин прозвал «клинобородами». Называл ли их так про себя настоящий Сталин, Солженицыну, разумеется, не известно. Но вкладывание в уста своего героя этого прозвища очень точно подчеркивает реальное, исторически несомненное отношение Генсека к этой публике. А также очередной раз подчеркивает его наблюдательность и остроумие. Таким образом, в романе Сталин противопоставляется «клинобородам» как трезвомыслящий прагматик.

В той части «Юбиляра», где текст излагается фактически от лица Сталина, одним из его критических упреков предшественнику была знаменитая ленинская кухарка: «Что за путаница вышла с этим всеобщим семилетним, всеобщим десятилетним, с кухаркиными детьми, идущими в вуз! Тут безответственно напутал Ленин, вот уж кто без оглядки сорил обещаниями, а на сталинскую спину они достались непоправимым кривым горбом. Каждая кухарка должна управлять государством! – как он себе это конкретно представлял? Чтобы кухарка по пятницам не готовила, а ходила заседать в Облисполком? Кухарка – она и есть кухарка, она должна обед готовить. А управлять людьми – это высокое умение, это можно доверить только специальным кадрам, особо отобранным кадрам, закалённым кадрам, дисциплинированным кадрам. Управление же самими кадрами может быть только в единых руках, а именно в привычных руках Вождя».

Общее отношение Сталина к коллегам по революции, заложенное еще в юности и практически не поменявшееся с годами, ясно изложено в «Этапах», в той части гла-

вы, в которой описывается Сталин, находящийся в заполярной ссылке и начинающий в очередной раз сожалеть о выбранном революционном пути: «Ото всех партий тут было несколько сотен ссыльных, но оглядел их Сталин и ужаснулся: что за гнусная порода эти профессиональные революционеры – вспышкопускатели, хрипуны, несамостоятельные, несостоятельные. Даже не Полярный Круг был страшен кавказцу Сталину, а оказаться в компании этих легковесных, неустойчивых, безответственных, неположительных людей. И чтобы сразу себя от них отделить, отсоединить – да среди медведей ему было бы легче! – он женился на чалдонке, телом с мамонта, а голосом пискливым, – да уж лучше её “хи-хи-хи” и кухня на зловонном жире, чем ходить на те сходки, диспуты, передраги и товарищеские суды. Сталин дал им понять, что они – чужие люди, отрубил себя от них ото всех и от революции тоже. Хватит! Не поздно честную жизнь начать и в тридцать пять лет, когда-то ж надо кончать по ветру носиться, карманы как паруса. (Он себя самого презирал, что столько лет возился с этими щелкопёрами.)»

Он даже безропотно подчинился призыву в действующую армию после того, как местный воинский начальник, «ничего не смысла ни в социал-демократах, ни в членах ЦК, призвал Иосифа Джугашвили, 1879 года рождения, ранее воинской повинности не отбывавшего, – в русскую императорскую армию рядовым». Действительно, темный попался воинский начальник. Члена ЦК! Рядовым...

Но фортуна была на стороне рядового Джугашвили. Совершенно неожиданно грянула революция. («Как? Откуда? И надеяться забыли, и рассчитывать забросили. Верно учили Иосифа в детстве: “Неисповедимы пути Твои, Господи!”») И путь назад был ему отрезан.

Хотя революция и спасла будущего вождя от окопов, но уважения к революционерам это не прибавило. Это хорошо изложено в описании отношения Сталина к событиям переломного 1917 года: «Вообще, семнадцатый год был неприятный год: слишком много митингов, кто красивой врёт, того и на руках носят, Троцкий из цирка не вылезал. (Цирк тогда служил местом частых политических сборищ – О.П.) И откуда их налетело, краснобаев, как мухи на мёд? В ссылках их не видели, на эсках не видели, по границам болтались, а тут приехали горло драть, на переднее место лезть. И обо всём они судят, как блохи быстрые. Ещё вопрос и в жизни не возник, не поставлен – они уже знают, как ответить! Над Сталиным они обидно смеялись, даже не скрывались. Ладно, Сталин в их споры не лез и на трибуны не лез, он пока помалкивал. Сталин это не любил, не умел – выбрасывать слова наперегонки, кто больше и громче. Не такой он себе представлял революцию. Революцию он представлял: занять руководящие посты и дело делать».

Главные качества Сталина Солженицын подчеркивает путем противопоставления с Лениным. Доминанта в этом – авантюрный характер Ильича. Касательно неудавшегося июльского переворота высказано следующее: «Так всё ясно было им, пока не приехал этот авантюрист, не знающий России, лишённый всякого положительного, равномерного опыта, и, захлёбываясь, дёргаясь и картавя, не полез со своими апрельскими тезисами, запутал всё окончательно! И таки заговорил партию, потащил её на июльский переворот! Авантюра эта провалилась, как верно предсказывал Сталин, едва не погибла и вся партия. И куда же делась теперь петушина храбрость этого героя? Убежал в Разлив, спасая шкуру, а большевиков тут марали последними ругательствами». Касательно Октябрьского переворота суждение менее строгое (победителей не судят!): «Авантюрой был и октябрьский переворот, но удался, ладно. Удался. Хорошо. За это можно Ленину пятёрку поставить. Там что дальше будет – неизвестно, пока – хорошо». В некоторых

местах мы встречаем и неподдельное сталинское восхищение: «Верно, у Ленина был орлиный полёт, он мог просто удивить: за одну ночь повернул – “земля – крестьянам!” (а там посмотрим), в один день придумал Брестский мир (ведь не то что русскому, даже грузину больно пол-России немцам отдать, а ему не больно!). Уж о НЭПе совсем не говори, это хитрей всего, таким манёврам и поучиться не стыдно».

Но в стратегическом мышлении Ленину полностью отказано: «Но не было в этом человеке настоящей надёжности, предстояло ему много горя со своим хозяйством, запутаться в нём. Сталин верно чувствовал в Ленине хлипкость, перебросчивость, наконец плохое понимание людей, никакое не понимание. (Он по самому себе это проверил: каким хотел боком – поворачивался, и с этого только боку Ленин его видел.) <...> Себя ощущал Сталин устойчивей и твёрже Ленина настолько, насколько шестьдесят шесть градусов туруханской широты крепче пятидесяти четырёх градусов шушенской. И что испытал в жизни этот книжный теоретик? Он не прошёл низкого звания, унижений, нищеты, прямого голода: хоть плохенький был, да помещик. Он из ссылки ни разу не уходил, такой примерный! Он тюрем настоящих не видел, он и России самой не видел, он четырнадцать лет проболтался по эмиграциям».

В приведенных размышлениях можно, конечно, усмотреть и мелочную зависть менее удачливого карьериста более удачливому. Но справедливость такой оценки исторические события подтвердили. Написано это всё было, повторяю, в 50-х годах прошлого века, когда большинство даже антисталинистов видели Ленина приблизительно таким, каким он предстал в советском кинематографе. (Усиливало эффект и то, что с художественной стороны большинство таких фильмов было достаточно высокого уровня.) Только спустя 40 лет благодаря гласности общество было ознакомлено с текстами огромного количества ленинских телеграмм-инструкций, перенасыщенных императивами «расстрелять» и «повесить». При этом, как глава правительства, Ильич был никудышным. Как, впрочем, и все прочие революционеры. Перефразируя Максима Горького, рожденный разрушать созидать не может.

Как пример иллюзорности воззрений обоих на тот момент вождей – Ленина и Троцкого – Солженицын приводит нелестные размышления Сталина относительно приверженности обоим идее мировой революции: «Этот клоун, Троцкий, ещё и в мировую революцию верил, Брестского мира не хотел, да и Ленин верил, – книжные фантазёры! Это ослом надо быть – верить в европейскую революцию, сколько там сами жили – ничего не поняли, Сталин один раз проехал – всё понял». А далее совсем уж не по-марксистски: «Тут перекреститься надо, что своя-то удалась. И сидеть тихо».

В отличие от Ленина и Троцкого, он не витал в облаках, а смотрел на мир как на реальность. Безымянный советский хроникер, от имени которого якобы пишет Солженицын, продолжает: «Сталин оглядывался трезвыми, неподвзятыми глазами. И обдумывал. И ясно понял, что такую важную революцию эти фразёры загубят. И только он один, Сталин, может её верно направить. По чести, по совести, только он один был тут настоящий руководитель. Он беспристрастно сравнивал себя с этими кривляками, попрыгунами – и ясно видел своё жизненное превосходство, их непрочность, свою устойчивость. Ото всех них он отличался тем, что понимал людей. Он там их понимал, где они соединяются с землёй, где базис, в том месте их понимал, без которого они не стоят, не устоят, а что выше, чем притворяются, чем красуются, – это *надстройка*, ничего не решает». (Курсив – О.П. Здесь также уместно сделать пояснение постсоветскому читателю. «Базис» и «надстройка» были ключевыми понятиями официального исторического

материализма, под «законы» которого подстраивали всю историю человечества. Потому Солженицын и позволил себе иронию, придав размышлениям Сталина «научную» базу.)

Это не совсем самовосхваление. Для такого мнения у Сталина были основания: «Над ним смеялись эти осторбородки, но почему наладили всё тяжёлое, всё неблагоприятное сваливать именно на Сталина? Над ним смеялись, но почему во дворце Кшесинской (одном из штабов большевиков – О.П.) все животами переболели и в Петропавловку послали не кого другого, а именно Сталина, когда надо было убедить матросов отдать крепость Керенскому без боя, а самим уходить в Кронштадт опять? Потому что Гришку Зиновьева камнями бы забросали матросы. Потому что уметь надо разговаривать с русским народом».

В плане трезвомыслия Сталина Солженицын отдает ему должное в главе «Император Земли». В частности, это отражено в следующих строках: «В тридцатые годы из одной лишь политики он оживил забытое, пятнадцать лет не употреблявшееся и на слух почти позорное слово Родина. Но с годами ему самому вправду стало очень приятно выговаривать “Россия”, “родина”. При этом его собственная власть приобретала как будто большую устойчивость. Как будто святость». В этом сила Солженицына. Ведь он же ненавидел Сталина! И за ГУЛАГ, и за невиданную трагедию Великой Отечественной войны. Ведь в памяти людей еще достаточно свежи были воспоминания о *Германской*, как тогда называли Первую мировую войну, когда без СМЕРШа и заградотрядов удалось немцев остановить задолго до Москвы, и когда в стране не то что голода не было, а вовсе отсутствовали какие-либо проблемы с продовольствием. Одна из жертв Сталина – сам Солженицын: и как фронтовик, и как политзаключенный. Но то ли против воли, то ли сознательно (судить не берусь), необъективным писателем быть не смог. И вынужден был признать за Сталиным его реальные шаги по трансформации страны от революционного угара в сторону более-менее нормальной жизни. Это точно и лаконично изложено в следующем абзаце: «Что-то приятное находил он также в самой игре слов, напоминающей старый мир: чтобы были не “заведующие школами”, а директора; не “комсостав”, а офицерство; не ВЦИК, а Верховный Совет (верховный – очень слово хорошее); и чтоб офицеры имели денщиков; а гимназистки чтоб учились отдельно от гимназистов, и носили пелеринки, и платили за проучение; и чтоб у каждого гражданского ведомства была своя форма и знаки различия; и чтобы советские люди отдыхали, как все христиане, в воскресенье, а не в какие-то безличные номерные дни; и даже чтобы брак признавать только законный, как было при царе, – хоть самому ему круто пришлось от этого в своё время, и что б об этом ни думал Энгельс в морской пучине; и хотя советовали ему Булгакова расстрелять, а белогвардейские “Дни Турбиных” сжечь, какая-то сила подтолкнула его локоть написать: “допустить в одном московском театре”».

Можно было бы посмеяться над пелеринками, посчитать их ханжеством, будь садомизация страны после победы Октября лишь выдумкой фельетонистов. Увы, публичные шествия «детей солнца и воздуха», единственной одеждой которых была красная лента с лозунгом «Долой стыд!», проходили во многих городах *молодой республики*. В частности, в Москве. На Красной площади!!! Во главе такого невиданного глумления над национальной святыней двигался верный ленинец Карл Радек. Разумеется, тоже без штанов. И потому как не относиться к пелеринкам, это куда меньшее зло, чем на Красной площади голый Радек с компанией других раздетых *товарищей* [7].

В те же годы было создано общество «Долой семью», название которого говорит само за себя. «Шведские семьи» появились сперва в РСФСР в 20-е годы (разве что

так не назывались), а в самой Швеции – лишь в 60-х. Декреты «Об отмене брака» и «Об отмене наказания за отношения мужчины с женщиной» были одними из первых законодательных актов победителей. И каждому комсомольцу и комсомолке вменялось в обязанность идти навстречу интимным потребностям другого комсомольца.

Также сильнейшим ударом по культурной самобытности страны была подготовляемая на государственном уровне во главе с Луначарским латинизация русского языка. Еще в 1919 году (в разгар Гражданской войны! более важных дел не нашлось) научный отдел Наркомпроса высказался «...о желательности введения латинского шрифта для всех народностей, населяющих территорию Республики... что является логическим шагом по тому пути, на который Россия уже вступила, приняв новый календарный стиль и метрическую систему мер и весов».

Возвращаясь к роману «В круге первом», следует указать и на такую подковырку писателя в адрес своего героя. Солженицын в обычной иронической манере описывает желание Сталина пожить свое бессмертие путем выдающегося вклада в какую-нибудь из наук «помимо истории и философии, в которых уже и без того его вклад огромен». В этом он захотел быть подобен предшественникам: «Все Основоположники бесстрашно пробовали свои силы в этих науках. Просто завидно читать бойкие рассуждения Энгельса о ноле или о минус единице, возведенной в квадрат. Восхищала Сталина и та решительность Ленина, с которой он, юрист, пошёл в дебри физики и там, на месте, распушил учёных, доказал, что материя не может превращаться ни в какую энергию». (Очень тонко здесь высмеяно невежество Вождя Мирового Пролетариата! Ведь за три года до написания ленинского талмуда «Материализм и эмпириокритицизм» была обнародована специальная теория относительности А. Эйнштейна, коренным образом изменившая представление о материи и энергии. Потому все ленинские «мысли» такого рода – это чеховское *письмо ученому соседу*.)

Поскольку в области биологии он «доверил работу Лысенке, этому честному, энергичному человеку из народа», и «сколько ни перелистывал “Алгебру” Киселёва и “Физику” Соколова для старших классов, – никак не мог набрести ни на какой счастливый толчок», то ученый поиск привел Сталина к языкознанию: «Языкознание же всё-таки рядом с грамматикой, а грамматика по трудности всегда казалась Сталину рядом с математикой». Так, размышляя на тему языкознания с позиции диалектического материализма, случайно родилась фраза «язык – орудие производства» (по которой и названа глава). Невольный каламбур рассмешил самого Сталина, и он на время оставил ученые занятия.

Но и эта глава, невзирая на желание автора как можно ядовитее поязвить по поводу, действительно, несносной манеры теоретиков марксизма лезть в фундаментальные науки, косвенно свидетельствует в пользу Сталина. Какие на самом деле мысли посещали *Лучшего друга ученых*, мы не знаем. Но знаем, что в 1930 году программа по латинизации русского алфавита была свернута. Как не иронизируй, но спасибо тов. Сталину за то, что слово «ёлка» мы не пишем «jólka», «яблоко» – «jabloko», а «чёрный» – «cognj» или «cognj», в зависимости от варианта латинизации. Благо, не один из вариантов не победил, а победил здравый смысл.

Да и в плане богоборчества Сталин существенно ослабил давление. Пусть с запозданием, пусть под давлением обстоятельств (в разгар войны). Но факт есть факт, и он говорит в пользу Сталина. «Давно, кажется, доказано то, что надо, а что мешало – то опровергнуто. А всё равно как-то неясно. Особенно если детство твоё прошло в церкви.

И ты вглядывался в глаза икон. И пел на клиросе. А “Ныне отпускаеши” и сейчас споешь – не соврешь. Эти воспоминания почему-то за последнее время оживились в Иосифе». В этом тоже он полная противоположность Ленину: «На всякий случай Сталин против Бога никогда не высказывался, довольно было ораторов без него. Ленин на крест плевал, топтал, Бухарин, Троцкий высмеивали – Сталин помалкивал».

А в самый страшный период войны «он дал Богу обет: что, если опасность пройдет и он сохранится на своём посту, он восстановит в России церковь, и служения, и гнать не даст, и сажать не даст. (Этого и раньше не следовало допускать, это при Ленине завели.) И когда точно опасность прошла, Сталинград прошёл – Сталин всё сделал по обету».

Вот как к Сталину относиться? Деспот, виновный в гибели миллионов людей. Это и голод, и прямо репрессированные, и погибшие на войне по причине преступно бездарного командования. (Иным не объяснить такие большие потери. В этом Аксюциц прав.)

Но, с другой стороны, Сталин спас страну. Пусть движимый властолюбием и тому подобным, но спас. Не свали он Троцкого и К^о, Россия прекратила бы свое существование. И такое сложное противоречие А.И. Солженицын художественно отобразил в своем произведении.

Примечания

1. Солженицын А.И. В круге первом: Роман. – М.: Художественная литература, 1990. – 766 с.
2. Голубков М.М. Образ автора в творчестве Солженицына / http://www.reec.uiuc.edu/events/FisherForum/ff07/Golubkov_paper_rus.pdf.
3. Голубков М.М. Александр Исаевич Солженицын (р. 1918): комментарии // Солженицын А.И. В круге первом. – М.: Дрофа: Вече, 2002. – С. 5–30.
4. О. А. Проскурнин. Знаменитый забытый художник А.И. Солженицын / Русский язык и литература в школах Украины. – Харьков: Основа, 2010. – № 8. – С. 20–26.
5. Виктор Аксюциц: резюме катастрофы (часть 2) // <http://www.iarex.ru/articles/16844.html>.
6. Михаил Делягин: Почему Сталин вернётся / <https://www.youtube.com/watch?v=5x1nzS1SYOc>.
7. Чем закончилась сексуальная революция 1917 года // <https://zen.yandex.ru/media/lenta.ru/chem-zakonchilas-seksualnaia-revoliuciia-1917-goda-5addd2684bf16139b0451583>.